

*Посвящается моей матери,
Ирине Анисимовне.*

Я прожила долгую и счастливую жизнь, во многом благодаря моей матери. Я получила высшее образование, преподавала, много путешествовала, общалась с интересными людьми. Мы с мужем обеспечивали семью материаль-

но, но мелкие бытовые вопросы лежали на плечах моей матери, она была хранительницей нашего семейного очага, семейных традиций.

Моя мать, Ирина Анисимовна Можаяева, родилась в апреле 1902 года в с. Колывань Змеиногорского района Алтайского края. Родители — переселенцы в Сибирь из Оренбургской губернии: Анисим Петрович Можаяев (1848 —1920) и Александра Петровна (1849—1933) нарекли ее Анастасией, но по святцам батюшка записал Ириной. Это обнаружилось позже. В семье оказалось две Ирины, потом первую называли Арина-рассадница (на 20 лет старше, от первого брака Анисима), а Ирину-младшую, о которой пойдет речь ниже, — Урви берега.

По народному календарю Аринин весенний день рождения совпадал с посевами семян капусты в рассадники, специальные ящички с плодородной землей. А еще люди подмечали, что в Аринин день часто заканчивался разлив рек, вешняя вода уходила, оставляя за собой подмытые берега рек, отсюда — «урви берега».

Характер младшей Ирины соответствовал ее имени: живой, эмоциональный, с «изюминкой». Она в любой ситуации не терялась, смело принимала решения, легко сходилась с людьми, была доброй и ответственной перед семьей и

родственниками. А жизнь у нее была нелегкая.

Из четырех сестер она одна закончила шесть классов церковно-приходской школы, пела в церковном хоре. В 17 лет вышла замуж за Григория Сергеевича Густокашина, которому было тогда 25 лет (1894—1942). Жили сначала у его матери, но не долго. Ирина не захотела жить в большой семье, осваивать гончарное производство. Сделала одну коую-кривую «колыванку» (изделие типа небольшого тазика), с тем и ушли жить самостоятельно в крохотную избенку, переделанную из бани. Григорий работал шлифовальщиком на камнерезной фабрике. А вообще был мастер — золотые руки. Сапожничал, ремонтировал и настраивал музыкальные инструменты: гитары, гармоники, балалайки. Впоследствии, в Рубцовске, пройдя практику у ювелира, работал в Торгсине по приему драгметаллов.

В Колывани Ирина успела родить четверых детей: два мальчика и две девочки. Выжила только одна я, Нина, 1925 г.р. Я была третьим ребенком в семье. В Колывани Ирина работала заведующей детским садом. Когда началась коллективизация, первой из семьи уехала в ближайший город, Рубцовск.

Сначала она там работала белошвейкой, потом заведующей по-

шивочной мастерской. Постепенно вытаскивала в город своих сестер, племянников и племянниц.

У Ирины были два брата: Петр и Фома и три сестры — Ирина Поднебеснова, Прасковья Кудинова, Татьяна Красникова (фамилии по мужу). Через Густокашиных, с остановками в Рубцовске, переехали в другие города Сибири Можаяв Фома с женой Марией, детьми Петром и Прокопием, а также все дети Ирины Поднебесновой — девять человек; дочь Прасковьи Анна Кудинова.

Григорий работал в Рубцовске приемщиком золота. Когда в одном городе прием золота заканчивался, Григория переводили в другой (Барнаул, Новосибирск) и по ближайшим станциям. Из командировки он однажды привез тифозную сыпную вошь. Ирина, жена его, тяжело переболела сыпным тифом с осложнениями на ноги. Это была осень — зима 1933—34 гг., весной 1934 г. Григорий уволился из Госбанка. И вчетвером, Григорий, Ирина, я — их дочь Нина восьми лет — и племянник Петр Фомич Можаяв (13 лет), поехали в Крым на Евпаторийские грязы.

Фома, брат Ирины, был арестован как кулак в 1932 году. Ирина, чтобы увидеть его, пожертвовала обручальным кольцом — отдала охраннику. Фома попросил ее взять на воспитание одного

племянника, сам умер в тюрьме. А Ирина просьбу исполнила: Петр жил в ее семье до войны.

Лиманские грязи помогли выздороветь Ирине. Она устроилась там на работу сестрой-хозяйкой в санатории, а Григорий стал работать в карьере. Осенью вернулись в Рубцовск. По приглашению главврача больницы, Ирина стала работать зав. прачечной и кастеляншей. Григорий Сергеевич стал заведующим продуктовым магазином. Заболел язвой желудка, долго лежал в больнице. В это время в магазине обнаружили недостачу, пришлось выплачивать. А тут пришел иск из Кольвани на алименты матери Григория. Платить было нечем. Описали швейную ножную машинку «Зингер», велосипед Нины, охотничье ружье. Григорий Сергеевич опять уехал на заработки, на канал Москва — Волга.

В 1936 г. Ирина отправила меня к родственникам в Кольвань, а сама поехала к мужу в Дмитлаг, лагерь для заключенных на станции Большая Волга. Григорий был вольнонаемным. Жили они в бараке для вольнонаемных. Он работал шлифовальщиком монументов Ленина и Сталина.

Небольшое отступление. Спасибо моим внукам: они помогли мне в написании этих воспоминаний и находили в Интернете современные сведения о местах, где пришлось жить и работать на-

шей семье.

Станция Большая Волга есть и поныне. И статуя Ленина возвышается над каналом. По сведениям из Интернета, высота каждой статуи была 15 м, а с постаментом — 26 м. Обе статуи скульптора С.Д. Меркулова. Работу над скульптурами выполняла команда из двенадцати человек. Монумент Ленина был сделан из блоков, идеально пригнанных друг к другу. А голова Сталина была целиком высечена из скалы. Поднимали ее на специальном подъемнике. В хрущевские времена памятник Сталину был взорван.

По окончании работ Григорий уехал в Симферополь, работал на строительстве зданий, отделявал их мрамором. Жил в крохотной комнатухе в частном секторе.

Ирина в Рубцовске работала на двух работах и еще занималась на курсах физиотерапевтических сестер. Поскольку ей было трудно осваивать физику, то раздел «Электричество» она осваивала вместе со мной. Мне было двенадцать лет. Медицинские книги давали знакомые врачи, Крюковские.

В 1937 году по ночам стала исчезать рубцовская интеллигенция: врачи и журналисты, банковские служащие и артисты. Ирина со мной и Петей Можаяевым уехала среди учебного года к мужу в Симферополь. Там я пошла в пя-

тый класс, а Петя занимался в ОСОВИАХИМе. Ирина устроилась стрелочницей на железную дорогу. Лето и зима 1938—39 годов прошли благополучно. Ездили семьей отдыхать на реку Салгир, на море. Я училась в новой школе. Петра забрали в армию, служил в Бессарабии.

Проработав год на железной дороге, Ирина заслужила право на бесплатную поездку на поезде. Первый раз я была с мамой в Ленинграде. Осмотрели музеи и дворцы Екатерины в Царском селе, дворец Павла в Павловске и Гатчину.

До Отечественной была еще Финская война. В этот период мы оказались в пос. Новостройка Калининской области. Жили в бараке, отапливались срезанной ночью березой. Затемнения и нехватка продуктов, болезнь Григория малярией заставила искать другое место жительства и работы.

Во время войны нельзя было просто так уехать, только переводом с одного оборонного предприятия на другое. Таким местом оказалось Ступино, юго-запад Московской области, авиационный комбинат-150. Ирина стала работать пирометристой, а мой отец в литейном цехе.

Отечественная война застала нашу семью Густокашиных в по-

селке Акри, г. Ступино. В двухстах метрах от дома, где мы жили, был военный аэродром, в трех км — завод, выпускавший авиадвигатели, в семи км — Каширская ГЭС. Достаточно объектов для бомбежки. Москва оцетинилась дирижаблями, воздушными шарами, сотнями зениток. Война в воздухе захватила и поселок Акри. Окна завалили мешками с землей, кругом окопы, а за водой надо было ходить к роднику, где всегда была очередь.

Ирина всегда опекала родственников. Перед войной к нам прибилась Анна Кудинова, племянница Ирины.

Во время эвакуации 25 октября 1941 года семья Густокашиных с Анной Кудиновой сели в теплушку последнего эшелона, который вез демонтированное оборудование. Им выделили нары для вещей, где можно было сидеть и спать по очереди. В последний момент прибежала Анна, спросила у тети Ирины, где ее документы. Ирина сказала, что в красном чемоданчике. Анна схватила его и убежала, не попрощавшись с нами. Оказывается, ее направили на курсы по подготовке партизанских отрядов. Вместе со своими документами она захватила и мои: только-только полученный паспорт (мне исполнилось 16 лет), метрическое свидетельство, все справки из разных школ, частично справки Ирины. Хорошо,

что трудовые книжки Ирины и Григория были в отделе кадров эвакуировавшегося завода, а их паспорта при себе.

Выехали из Подмосковья после начала контратак, организованных маршалом Жуковым. Эшелон периодически бывал брошен в прифронтовой зоне без паровоза и машиниста. Над составом часто летали немецкие самолеты, однажды на станции состав обстреляли. Позже в тюках с вещами находили пули и щепки от стенок вагона. Как не сгорел вагон — чудо, однажды он стоял рядом с домиком железнодорожника, который загорелся при обстреле.

Полтора месяца езды от Москвы до станции УАЗ (г. Каменск-Уральский), питание одной парной пшеницей сильно ослабили здоровье Григория Густокашина. Урал встретил их 40—50-ти градусными морозами. Должны были 200 человек разместить в металлическом ангаре, где было только две буржуйки. Но Густокашину встретила знакомая, Лариса Жеребцова, поселила к своим родителям, которые вшестером жили в одной комнате в бараке. Она спасла нас от замерзания. Потом нашу семью устроили в деревне Монастырка, за рекой Исеть.

15 января 1942 года Григорию стало совсем плохо. Ирина пошла за врачом. Но в ее отсутствие отец умер на моих руках.

Провожали гроб на розвальнях, втроем. Зарыли гроб в снегу между крестов, оставив табличку: Густокашин Григорий Сергеевич 21.10.1894 г. — 15.01.1942 г.

Списавшись с рубцовскими друзьями Крюковскими, Ирина и я приехали без документов в Рубцовск, у Крюковских и жили.

Ирина стала заведовать прачечной. Я сдала экзамены экстерном за девятый класс и стала учиться в десятом классе, в школе им. Кирова. Ребятам из девятого класса школы отправляли в военные училища, а девочек на лесозаготовки. Окончив на «отлично» десятый класс, я с подругами поехала в Самарканд, поступать в институт. Подруги поступили на химико-фототехнологический факультет, а я — на электротехнический. Нас приняли как отличниц без экзаменов и сразу отправили на уборку хлопка за реку Зеравшан, а поздней осенью мы работали на строительстве плотин для ГЭС, занимались и сдавали экзамены всего в течение двух—трех месяцев. Поскольку у меня был опыт самостоятельной работы над технической литературой, я благополучно сдала экзамены за два семестра.

А у Ирины Анисимовны в Рубцовске случилась беда. Сгорели прачечная и склад, за который отвечала одна женщина с двумя детьми.

Ирина всю вину взяла на себя, и ее за халатность по пожарной безопасности осудили на пять лет колонии общего режима. Отбывала она срок в 1944—1945 годах в Рубцовской колонии. Амнистию получила через два года, и в марте 1946 года приехала ко мне в Ленинград, куда вернулся из эвакуации мой институт, ЛИКИ. Мои друзья нашли для мамы жениха с девятиметровой комнатой в коммуналке. Конечно, брак был фиктивный, это было видно, но жених был инвалидом войны, нуждался в уходе, так что все обошлось нормально. Он получил деньги и уехал. Впервые в жизни Ирина имела свою комнату. Я же была прописана в общежитии, на Фонтанке 53, сдавала в это время «хвосты», так как опоздала на сессию на три месяца, и работала на полставки в институте.

Ирина устроилась санитаркой в больницу им. Куйбышева на Лиговском проспекте. За отличную работу была награждена медалью «За доблестный труд в ВОВ».

Я отлично закончила в 1949 году институт, ЛИКИ (в настоящее время Санкт-Петербургский университет кино и телевидения), по специальности «Запись и воспроизведение звука». Диплом защитила на электрофаке на тему «Звуковой генератор типа КС на фиксированных частотах для исследования частотных и нелиней-

ных искажений усилительных устройств». Генератор был самостоятельно изготовлен и продемонстрирован членам ГЭКа. После защиты дипломной работы я получила направление в Москву, на работу в «Управление образования Министерства кинематографии». Чиновническая деятельность меня не привлекала, удалось сменить направление на работу в Одесскую школу киномехаников. Так я оказалась преподавателем «Электроники» и «Усилительных устройств». Затем я работала много лет преподавателем в Политехническом институте г. Одесса. Одесский собес дал мне звание участника Отечественной войны. В 38 лет я стала старшим преподавателем на кафедре «Промышленная электроника», читала три курса «Электронные, ионные и полупроводниковые приборы», «Промышленная электроника», «Технология, конструирование и надежность электронной аппаратуры».

Мне повезло: я была у истоков развития современной электроники, фотодола и телевидения. Вспоминаю, как в 70—80-х годах минувшего века была на повышении квалификации в Электротехническом институте связи им. Ульянова-Ленина. В то время мы на заводе «Светлана» внедряли микросхемы, светодиоды и сенсорное управление.

В Одессе я вышла замуж за Шалагина Анатолия Дмитриевича.

Через год, ко дню рождения внучки Лены, в октябре 1950 года, Ирина переехала в Одессу и стала хозяйкой дома Шалагиных, вначале на улице Перекопской Победы, вблизи лестницы с памятником Дюку, куда ходили с Леной гулять, а вскоре переехали в только что восстановленный после войны дом на ул. Торговая 8. Вскоре к семье присоединилась мать Анатолия.

Сперва зять Анатолий не понравился Ирине. Некрасивый, худой, малоразговорчивый, хромой. Не дамский угодник.

Анатолий Дмитриевич Шалагин (1917—2002 гг.) был из «починка» Шалагиных Яранского уезда Вятской губернии, там его корни. Но Анатолий, его брат Аркадий и сестра Вера родились в Усть-Каменогорске.

Свои зрелые годы Анатолий Дмитриевич отдал энергохозяйству Одессы. Он проработал тридцать лет главным инженером Одесской ТЭЦ, восемь лет был директором электростанции, а вообще отдал энергетике пятьдесят четыре года своей жизни.

С юности он был лидером. В двадцать три года командовал взводом автоматчиков 73-го полка морской пехоты на Волховском фронте. 72-й и 73-й полки

морской пехоты разъединяли немцев и финнов, чтобы обеспечить безопасность дороги жизни через Ладожское озеро. О военном периоде его жизни лучше всего рассказывает стихотворение, написанное им в 1942 году.

БОИ ПОД СИНЯВИНО

*Горелые кочки, торфяник,
да вереск,
Да рощи, в безветрии днем
Мерцают, неверному свету
Доверясь,
То желтым, то алым огнем.
Здесь все, что земля берегла
и растила,
Чем с детства мы жили
с тобой,
Смели, искалечили тонны
тротила,
Развевали пылью слепой.
Но снова сгорая, как факелы,
в танке,
В грязи под шрапнельным огнем,
Клянемся смертельною
страстью атаки,
Мы с этой земли не уйдем!
Так вот она, милая Родина наша,
Болота сожженный огрех,
И щепки, и торфа багряная
каша,
Летящая брызгами вверх.
А там, оседая в разрывах
мохнатых
Обломками бревен в траву,
Глядят, погибая, Синявино хаты
Провалами рам за Неву.*

*И гложут снаряды, в трясине
прочавкав,
И катится снова «Ура!»
Туда, где тревожная невская
чайка
Над берегом бьется с утра.
Прыжками, бегом, от воронки к
воронке,
Пройти сквозь клокочущий ад,
Туда, где на синей, на облачной
кромке,
Полоской плывет Ленинград.*

На сайте «Podvignaroda» («Подвиг народа») имеются сведения о представлении Шалагина А.Д. к награде — ордену Отечественной войны II степени. № записи — 49952189:

«Инженер-лейтенант Шалагин А.Д. призван в РККА с 8.07.1941 г. Сталинским РВК г. Одессы. Шалагин А.Д. участвовал в боевых действиях в составе 73 морской стрелковой бригады на Северо-Западном и Волховском фронтах в должности командира отдельного взвода автоматчиков. На фронте находился с 11 декабря 1941 года по 28 сентября 1942 года. За боевые заслуги досрочно присвоено воинское звание «Инженер-лейтенант». Неоднократно участвовал в боях, имеет на своем счету до 25 человек убитых финнов и немцев. Участвовал в боях на р. Свирь с финнами и в июльско-сентябрьских боях с немцами. За боевые дела имеет ряд благодарностей от ко-

мандования батальона и бригады. Участвовал в командирских разведках по выяснению оборонны финнов на р. Яндебе севернее г. Лодейное поле. В боях получил 1 легкое и 1 тяжелое ранение — анкелос правого коленного сустава, инвалид 3 группы).

Слава Богу, Ирина прожила с нами тридцать пять лет. Она верила в меня и смогла увидеть добрую душу Анатолия, его трудолюбие и терпимость.

Благодаря маме я пятьдесят семь месяцев провела в Ленинграде, часто ездила в командировки и на лечение. Во всем можно было положиться на нее и на Анатолия. Какое счастье иметь дружную семью, любовь и взаимопонимание.

У нас с Анатолием двое дочерей — Елена, 1950 г.р. и Валентина, 1955 г.р. Дочери получили высшее техническое образование, по семейной традиции, вышли замуж за Анатолиев. У Елены — сын Миша Гордейко, у Валентины — сын Юрий Букша.

Ирина Анисимовна, моя мама, вырастила внучек, успела увидеть правнуков. Умерла в 1985 году, похоронена в Одессе.

Она была хранительницей семейных связей нескольких поколений. Принимала гостей, писала письма, высылала посылки родственникам. Меня с дочерьями приучила к уважению семейных традиций. Мама была «корнем» на-

шего дома, нашего рода. О ней я вспоминаю почти каждый день, посвящая ей эти стихи:

*«Мотор» подводит и трясутся
руки,
И ложку полной уж ко рту
не донести,
Мой мир — кровать и тумбочка
с лекарством,
И двор, который с палкой трудно
обойти.
Зачем живу? Казалась жизнь
напрасной,
Но жизнь не даром Богом нам
дана.
Умейте дорожить минутой
каждой,
А дух родительский не даст
сойти с ума.
Я знаю, что сейчас я —
корень дома,
И этот дом наполнен,
он не пуст.
Дух материнский жить
поможет снова,
Есть корень,— жизнь цветет,
как розы куст.*

